

Морис Бежар возвращается в детство

France-Soir

Газета «Франс-суар»
(Франция)

В культурной жизни Европы произошло событие. Прославленный мэтр современного танца Морис Бежар поставил новый балет. Критиков удивил сам выбор спектакля для постановки — «Шелкунчик». Бежар был известен стойкой аллергией к классическим балетам. Почему он обратился к творчеству Чайковского? Об этом сам Морис Бежар рассказал в интервью парижской газете «Франс-суар».

— Почему все-таки классика и «Шелкунчик»? — спрашивает корреспондент.

— Это вовсе не новое прочтение старого балета. Просто пар-

титура Чайковского прекрасно подходит к истории, которую я уже давно хочу поставить на сцене.

— И что же это за история?

— Мое первое Рождество. Я отмечал его в 8 лет, после смерти матери. Балет, который я ставлю, автобиографичен. Настолько, что даже костюмы танцовщиков изготавливались по семейным фотографиям.

— Откуда взялась эта потребность рассказать в балете о вашей собственной жизни?

— Я уже написал две автобиографии. Почему бы не добавить к ним балет? В этом балете я буду говорить. Зрители увидят меня на сцене в некоем фильме, в котором я представлю интервью со своей бабушкой. Я сделал это еще 30 лет назад, и она рассказывает там обо мне, каким я был малышом. Это очень трогательно.

— Каким был этот восьмилетний мальчик Морис Бежар?

— Я думал только о театре. Я исполнял партии из «Фауста» вместе со своей сестрой. Затем я начал заниматься танцем, мечтая об успехе Мариуса Петипа. Он тоже был марсельцем. В спектакле будут показаны на экране необычные неизвестные сценарные рисунки Петипа.

— Вы тоже рисуете ваши балеты, когда придумываете их?

— Нет, я не обладаю для этого необходимыми способностями. Я ставлю хореографию на танцовщиках. А костюмы придумываю в спорах с костюмерами.

— Почему вы решили пригласить в этот спектакль известную аккордеонистку Иветт Орнер?

— Потому что аккордеон был частью моего детства. Моя крестная мать прекрасно играла на этом инструменте. Он был для меня гостем из другого ми-

ра. И Иветт Орнер покорила меня, заставив вспомнить о минувшем.

— Вы страдаете ностальгией по прошлому?

— Слово «ностальгия» тут не точно. Я бы говорил о любви и о большом счастье, которое я помню. Когда я встречаюсь со своей сестрой и кузеном, мы говорим только о нашем детстве. Мой отец, который был необыкновенным человеком, сам мастерил для меня все игрушки. И маленький театр марионеток, который тоже появится в спектакле, был делом его рук.

— Ходят слухи о том, что ваш «Лозаннский балет Бежара» с его 32 танцовщиками должен прекратить свое существование в 2000 году?

— Что вы, моя труппа и не думает разбегаться. Разумеется, пока я не надорвусь или не обанкрочусь.

— А ваша балетная школа, что будет с ней?

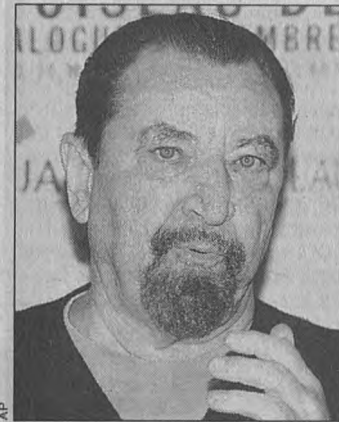
— Там дела идут очень, очень хорошо. Ее представления имеют бешеный успех. Половина артистов моей труппы вышла из этой школы. И это прекрасно.

— Вы довольны, что обосновались в Швейцарии? Получили те средства, на которые рассчитывали?

— Никто и никогда не дает тех средств, которые обещают. Но я, по крайней мере, сейчас работаю в спокойной обстановке. И это уже хорошо.

— Есть ли что-то, чего вы еще не успели сделать?

— Я никогда не выступал в Китае. У китайцев нет денег. А Швейцария, с ее кантональной системой, не может решить вопрос о выделении для моего балета национальных субсидий, чтобы мы могли отправиться на гастроли в Китай.

— Что вызывает у вас протест?

— Прогресс. Это понятие, которого не существует в природе. О каком, например, прогрессе в медицине можно говорить, когда в одних странах пересаживают человеческие сердца, а в Африке миллионы людей умирают от СПИДа? Наш век создал общество еще более элитарное, нежели Франция накануне революции 1789 года.